

Фаддей Булгарин

Янычар, или Жертва междоусобия

Фаддей Венедиктович Булгарин

Янычар, или Жертва междоусобия

«Зарево пожара золотило черные тучи, носившиеся над Царем-градом, и отражаясь в тихих струях Босфора, светлую воду уподобляло огненной лаве; пламя с треском пожирало жилища смиренных граждан, и волнами переливаясь по кровлям, угрожало превратить в пепел гордую столицу Востока. Черный дым, вивясь клубами, оседал, расстилался по земле, или вдруг поднимался на воздух и столпами возносился к облакам. Ветер внезапными порывами раздирал черную завесу дыма и облаков, и обнажал луну, которая, как кровавое пятно, светилась на небе, к ужасу суеверных мусульман...»

**Фаддей Булгарин
Янычар, или Жертва
междоусобия**

[1]

Зарево пожара золотило черные тучи, носившиеся над Царем-градом, и отражаясь в тихих струях Босфора, светлую воду уподобляло огненной лаве; пламя с треском пожирало жилища смиренных граждан, и волнами переливаясь по кровлям, угрожало превратить в пепел гордую столицу Востока. Черный дым, вясь клубами, оседал, расстилался по земле, или вдруг поднимался на воздух и столпами возносился к облакам. Ветер внезапными порывами раздирал черную завесу дыма и облаков, и обнажал луну, которая, как кровавое пятно, светилась на небе, к ужасу суеверных мусульман. Земля стонала от грома истребительных орудий, воздух сотрясался стонами несчастных жертв, воплями неистовых воинов и граждан, с остервенением стремившихся на растерзание друг друга. Шипение ядер, свист картечей и пуль, звон сабель тревожили слух и приводили в содрогание сердца. В сем адском шуме и волнении громко раздавались восклицания: «Смерть янычарам[2], гибель мятежникам, проклятие злодеям!»

Гассан, янычар отборной орты[3], воин, поседель в бранях, в это время был ранен пулею на Эншайдане[4], где он с товарищами своими сражался против ненавистных им сейменов[5]. Гассан, быв свидетелем истребления своей орты, спасался бегством по уединенной улице, влача за собою юную дочь свою Зулему, которая, подобно голубице, изгнанной пламенем из тихого гнезда, с трепетом следовала за отцом своим. «О дочь моя! – сказал Гассан, – силы оставляют меня, я истекаю кровью. Что будет с тобою, сиротою несчастною?» – «Что богу угодно», – отвечала со вздохом Зулема, сорвала с себя покрывало (в первый раз вне гарема) и крепко перевязала раненую руку отца своего.

«Вот дом моллы[6], старого моего друга, – сказал янычар. – Слуга Магомета не откажет в помощи верному его поклоннику и своему другу». Гассан постучался у дверей. – «Кто там?» – спросил голос за дверью. Гассан узнал голос моллы и отвечал: «Несчастный, просящий пристанища». – «Дом мой – дом несчастных, – сказал молла, – но в грозное время двери его отворяются только

для людей, известных хозяину. Кто ты таков?» – «Друг твой Гассан». – «Не хочу знать твоего имени! – сказал молла, – отвечай: янычар ли ты или мусульманин?»[7] – «И то и другое». – «Неправда: янычары преданы проклятию Фетфою Муфтия[8] и властию Халифа Правоверных, – сказал молла; – они объявлены врагами исламизма и осуждены на смерть. Отрекись от звания янычара, и дом мой будет твоим убежищем – или ты найдешь смерть у порога, на котором стоишь теперь.» – «Не отрекись от звания прославившего Ислам; будь ты сам проклят, вероломный!» – сказал Гассан и удалился. Пуля просвистела над головою Зулемы и пробила чалму янычара. «Боже, умиლოსердись над нами!» – воскликнула уstraшенная Зулема.

Вдруг в боковой улице раздались выстрелы и вопли; Гассан остановился за углом дома и увидел толпу разъяренного народа, которая преследовала небольшой отряд спасшихся с побоища янычар, догнала их, одолела и насыщала лютость свою терзаниями несчастных. Рассекая на куски живых янычар, неистовая чернь дралась между собою за от-

торженные члены, как за богатую добычу, и ругаясь несчастью и слабости, радостными восклицаниями заглушала стоны, исторгаемые болью и отчаянием. Зулема отвратила взоры от сего омерзительного зрелища. Между тем чернь не удовлетворялась мучениями одних побежденных воинов; поблизости находился дом богатого купца, и чернь зажгла его под предлогом, что хозяин был другом янычар, а в самом деле для грабительства. Пламя осветило темную улицу, где скрывался Гассан с дочерью, и они хотели удалиться. Бросив последний взор на сию картину ужаса, Зулема вдруг затрепетала. «Отец мой! – сказала она слабым голосом, – посмотри: мертвая голова на пике; как страшно она светится перед пламенем; глаза открыты, рот отворен; на бледных щеках кровь! о боже! не он ли это!..» – «Это он, – сказал Гассан с глубоким вздохом, – это Алли, твой жених: судьба обвенчала его со смертью». Зулема упала без чувств на землю.

Гассан завернул дочь свою в свой красный янычарский плащ, взвалил одною рукою на плечи драгоценную ношу и спешил уда-

литься. – «Казнь янычарам, гибель мятежникам!» – раздавалось позади его, и он побрел в противоположную сторону, думая не о себе, но о несчастной своей сироте.

Калитка была отворена в саду Магмуда, богатого купца, которому Гассан оказал однажды большую услугу в народном смятении и сохранил в своем жилище значительную часть его имущества. «Здесь я найду пристанище, – подумал янычар – закон Ислама и человечество внушают благодарность». Он вошел в сад, положил дочь свою под розовым кустом, почерпнул воды из ближнего водомета и привел несчастную в чувства. Она открыла глаза для слез, уста для рыданий. – «Плачь, дочь моя! – сказал янычар – уже для тебя не взойдет солнце радости, и счастье отца твоего померкло навеки с именем янычар». Гассан надел на себя плащ и, оставив дочь на месте, пошел к окну, где виден был свет.

Магмуд с двумя своими сынами вооружался, заряжал ружья и пистолеты. Гассан постучался в окно; Магмуд отворил его и, увидев янычара, отступил от ужаса. – «Спаси меня с дочерью и укрой в своем доме; воздай доб-

ром за добро, и бог наградит тебя». – «Чего ты от меня требуешь, несчастный?» – сказал Магмуд с трепетом; «ужели хочешь гибели всего моего рода и племени? Месть Пророка обрела всех янычар на гибель; Санджак-Шериф[9] развеивается противу вас и призывает к оружию всех правоверных: кто верен богу и Исламу, тот обязан сражаться под священной хоругвию. Казнь объявлена всем, кто укроет янычара. Но я помню твою услугу, Гассан. Возьми эго золото, сбрось с себя красный плащ – некогда знак отличия, а теперь печать отвержения. Надень одежду еврея, которая случайно хранится у меня в доме, и спасайся». – «Как ты мог подумать, Магмуд, – отвечал Гассан с гневом, – чтоб янычар покрылся стыдом и позором, облакаясь в одежду еврея? тысячи смертей не заставят меня даже прикоснуться к ней! Мы восстали на защиту Ислама и погибнем, если должно, верными нашему обету. Пусть янычарский плащ прикроет труп мой – но я не сброшу его ни от угроз, ни от лести. О если б не дочь моя и не моя рана!.. Золота твоего мне не нужно, Магмуд, береги его для Райев[10], для невер-

ных. Янычары гибнут – а малодушные Сеймены и предатели топчи[11] не защитят вас; прости!»

«Пойдем, дочь моя, – сказал Гассан, поднимая Зулему, почти лишенную сил от горести и ужаса, – пойдем к морю. Может быть нам удастся переехать на тот берег. Там живут франки[12]: они страшились янычар, но не боятся ни Санджак-Шерифа, ни Фетфы; они человеколюбивы, спасут тебя и укроют слабый цвет от свирепой бури. От мусульман нам ожидать нечего: вера их утонула в крови янычар; чувство человечества заглушено извержною Фетфою Муфтия!» – Изнемогая от раны и сам имея нужду в помощи, Гассан поддерживал дочь свою, когда, пробираясь между грудями трупов, ноги ее скользили по запекшейся крови. Из числа несчастных жертв междуусобия, разбросанных по улицам, некоторые еще не испустили последнего дыхания и изъевляли признаки жизни судорожными движениями и глухими стонами: они отражались в сердце Зулемы и терзали его; сердце Гассана окаменело для всех внешних впечатлений; он хладнокровно попирал обезобра-

женные тела своих собратий и думал только об уничтожении славного имени янычар. Одна эта мысль воспламеняла его хладевшую душу.

Наконец Гассан достигнул морского берега. При блеске зарева пожара он видит лодки, мелькающие, как за темным покрывалом, в дыме и тумане. Одна из них приближается к берегу, и ему кажется, что он видит в ней двух янычар. Гассан взбирается на крутой камень и помогает дочери взлезть туда же. Они вперяют жадные взоры в туман... так, это янычары! «Дочь моя, мы спасены!» – восклицает Гассан. Но вдруг толпа топчиев с горящими факелами устремляется на берег. Они из угла другой улицы увидели Гассана. – «Красный плащ, красный плащ! – восклицают из толпы, – смерть янычарам!» – Уже толпа приближается, но лодка еще далеко от берега. Двадцать ружей устремлены на Гассана и на его несчастную дочь. «Кто ты, янычар или мусульманин?» – спрашивает его начальник отряда – и Гассан узнает голос отца своей покойной жены, матери Зулемы. «Никогда не отрекусь ни от звания, ни от имени! – ска-

зал Гассан громким голосом – я Гассан, янычар? отец твоей внуки, отступный Мустафа!» – «Несчастный! что ты произнес! – воскликнул Мустафа горестно. – Янычары прокляты; будь мусульманином, возобнови исповедание Ислама, и проси прощения – или...» – «Никогда! – возразил Гассан в исступлении; – я жил и умру янычаром, верным мусульманином, защитником Корана». – «Казнь мятежникам!» – закричали в толпе; выстрелы раздались, и несчастная Зулема упала с камня, пронзенная в сердце пулею. Мустафа бросил свое ружье и закрыл глаза руками, чтоб не видеть сего ужасного Зрелища. Толчи устремились на Гассана: но он бросил последний взгляд на мертвую дочь, простер руки к небу, кинулся в волны морские и исчез в бездне. Красный плащ всплыл наверх и понесся в открытое море.

Сноски

Статья сия родилась в моем воображении при размышлении об истреблении янычар в Константинополе (см. «Северную пчелу» 1826 года), и вообще о бедствиях, происходящих от пагубных междуусобий. Соч.

[^^^]

Янычары – солдаты, составлявшие привилегированную часть турецкого войска, постоянные участники мятежен и дворцовых переворотов. Пехотное войско янычар (по-турецки «ени чери» – новое войско) было создано султаном Мурадом I около 1360 г. и существовало до 1826 г.; в момент образования оно было новым по сравнению с созданной до этого при Орхане I пехотной «яя». 15 июня 1826 г. Махмуд II произвел военную реформу, предусматривавшую упразднение корпуса янычар. В ответ на это янычары подняли мятеж, который был подавлен, а корпус янычар ликвидирован.

[^^^]

Орта – полк янычарского войска.

[^^^]

4

Эшмайдан – букв. Мясиная площадь, площадь в Стамбуле, где раздавались мясные пайки янычарам и находились их казармы.

[^^^]

5

Так называются воины, обучаемые европейской тактике.

[^^^]

6

Молла – одно из высших духовных лиц.

[^^^]

Читатели вспомнят, что во время истребления янычар надлежало отречься от сего звания и для спасения жизни называться мусульманином. Соч.

[^^^]

Муфтий – мусульманское высшее духовное лицо, наделенное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата. Решение мчфти (фетва) основывается на религиозно-юридических канонах распространённого в данной стране вероисповедания ислама (суфизма или шиизма).

[^^^]

Санджак-Шериф – «священное знамя», «знамя пророка».

[^^^]

Райя – подданные, обычно – немусульмане; наиболее угнетаемая в то время часть населения Турции.

[^^^]

Топчи – правильное топчу – артиллерист, пушкарь; название одного из корпусов оттоманской армии.

[^^^]

12

Франки – так называли европейцев, христиан.

[^^^]